

Вор и воровство в гойдельском: реконструкция и стратегия номинации¹

Работа посвящена изучению реализаций в гойдельских языках (ирландском и шотландском) в диахронической перспективе понятий «вор» и «воровство», которые автор полагает относительно поздними и вторичными. Автор конструирует исходную четырех-компонентную модель современного понятия «воровства» и прослеживает на базе сопоставительного материала развитие лежащих в ее основе исходных понятий (тайное действие, депривация через стадию дистанцирования, нанесение вреда, заинтересованность агенса), которые в ходе языковой и социальной эволюции оказываются базовыми для возникновения и оформления соответствующих терминов. В то же время в работе дается сопоставительный анализ слав. *тать* и др.-ирл. *taid*, восходящих к одному и.-е. корню с исходным значением «тайное действие» (фиксируется также у ряда других и.-е. основ с аналогичной деривацией) и предлагается наличие разнонаправленного семантического перехода: не только «тайна» → «вор», но и обратное «вор» → «тайна». Семантическое развитие в данном случае соотносится с развитием представлений о собственности в обществе и может быть расценено как дистантная семантическая конвергенция. Ирландское и славянское понятия рассматриваются не как кельто-славянская изоглосса и не как доказательство близости лингвистического единства, но как параллельное и независимое семантическое развитие. В работе также предлагается новая этимология базового глагола воровства в современном ирландском, *goid*, базирующаяся на ранних употреблениях глагола со значением дистанцирования, а затем — депривации, проводятся аналогии с другими языками, в которых реализуется аналогичный семантический сдвиг: *чужой* → *депривация* → *отчуждение* → *воровство*. В то же время анализ репрезентативных фрагментов, иллюстрирующих развитие семантики лексемы, демонстрирует градуальное развитие значения «красть».

Ключевые слова: семантические переходы; языковое развитие; понятие собственности; сравнительное языкознание; кельтские языки; народная латынь; девербиальная деривация.

Несколько предварительных замечаний

Обозначение воровства как акта и вора — как его агенса предполагает наличие у коллективного носителя языка многокомпонентного ментального комплекса, основные составляющие которого, предположительно, содержат:

- 1) информацию о лишении X-а объекта N (депривация);
- 2) информацию о заинтересованном в данном акте лице Y, которое присваивает объект N (лицо может быть обозначено как неизвестное);
- 3) информацию о нанесении вреда, ущерба X-у в результате совершения описываемого действия;
- 4) информацию о совершенном действии **как тайном**, скрытом, в первую очередь — от X-а, но не только.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

Список названных компонентов, возможно, нельзя назвать исчерпывающим, поскольку он не учитывает метафорических окказионализмов, а также коннотативных стратегий коммуникации. Не отмечен в выделенном нами семантическом комплексе и компонент, отсылающий к находящему с пресуппозиции осуждению самого действия, если не на уровне юридическом или религиозном, то хотя бы на общественном. Однако этот элемент семантического комплекса, казалось бы — очевидный для современного сознания, не поддерживается собственно этимологией «глаголов воровства», которые всегда вторичны в своей коннотативной нагруженности, с одной стороны, и динамичны в смещении ядер семантических полей, с другой. В ряде случаев присутствующие изначально отрицательные коннотации в ходе дальнейшего морфологического развития лексемы могут и исчезать. Этимологический анализ реальных лексем, представленных в языке в качестве нейтрально-базовых, должен, таким образом, опираться на семантику одного из указанных компонентов, в силу необъективных исторических и социальных сдвигов оказавшегося доминирующим в обозначении понятийного комплекса и закрепившегося в речевом употреблении. При этом безусловный интерес представляет исходная семантика базовой основы, иллюстрирующая как особенности этно-менталитета, так и возможности дальнейшего семантического развития и расширения поля лексемы в прогнозируемом направлении.

Выделенный четырехкомпонентный комплекс представляет собой, по определению Н. И. Толстого, «макро-сетку, на которую могут накладываться лексемы из отдельных диалектов. /.../ Это даст также возможность предсказуемости некоторых отношений при реконструкции» (Толстой 1964: 37). Указанная предсказуемость может быть использована и при прогнозировании дальнейшего семантического развития при заимствовании: лексема языка-донора, имеющая значение X, близкое семантически к значению Y, в языке-рецепторе начинает вовлекаться в поле с более широкой семантикой. Поясним нашу идею на конкретных примерах.

Так, например, в валлийском языке было сформировано два основных обозначения вора, автохтонное и заимствованное. В исконном *dygiedydd*, образованном от глагола *dwyn* 'уносить, отбирать, красть' превалирует идея депривации, тогда как более распространенное заимствованное *lleidr* sg. (< лат. *latrō* 'грабитель, злодей; вор', ср. брет. *lazr* 'вор', о развитии вокализма у сингулатива см. Jackson 1994: 593–4) иллюстрирует семантический переход «лицо, приносящее вред в широком смысле слова» → «вор». Первые латинские свидетельства употребления лексемы фиксируют значение «солдат, наемник» (заимств. из греч. *λάτρων* 'вор' — лишь на уровне народной этимологии, см. Ernout & Meillet 1939: 527). Уже в классической латыни лексема расширяет значение и начинает обозначать бандита и грабителя в целом (компоненты: депривация, вред, заинтересованность). Однако лишь в валлийском основа получает дополнительное значение-компонент «тайное действие», реализующееся, например, в метафорических употреблениях. Так, евангельский контекст о *ворах*, которые «подкапывают и *крадут*» в валлийском переводе: ...y mae **lladron** yn cloddio trwodd ac yn **lladrata** (МТ, 6, 19), иллюстрирует не только семантический сдвиг «разбойник, грабитель» → «вор», но и соответствующую вторичную глагольную деривацию. В то же время в переводе «Первого послания к Фессалониикам» Апостола Павла, в котором говорится, что День Божий подступает «незаметно, тайно» (5, 2), употреблена эта же лексема: fel **lleidr** yn y nos (букв. «как разбойник ночью»). Естественно, это калька с греческого (ср. русск. *яко тать в нощи*, о чем см. ниже), однако обращает на себя внимание семантический сдвиг «разбойник» → «вор», естественным образом произошедший в валлийском, видимо, в силу дефицита обозначений вора в целом, и автоматически развившийся в своем семантическом поле компонент

«тайно». Ср. также в валл. XV–XVII вв. *lleidr dyn* ‘убийца’ (букв. «вор человека»), как лицо, совершающее тайное действие в целом².

Аналогичное семантическое де-номинативное развитие фиксируется и для русск. *вор*, *воровка*, изначально реализовавших лишь компонент 4 (первое зафиксированное употребление — сер. XVI в., fem. — впервые о Марине Мнишек) и восходящего предположительно к и.-е. **ur-* ‘говорить возвышенно, лгать’ (IEW: 1162; если не из финск. *varas* ‘вор, грабитель’ (см. Евгеньева 1939), что Фасмер полагает «неприемлемым» (Фасмер 1996: 350), либо — см. более убедительное предположение о тюркском заимствовании лексемы, в силу ее «изолированного положения» в славянских языках — Добродомов 1973). Исходным значением в данном случае, каково бы ни было происхождение лексемы, можно назвать «дурное, обманное действие» (компонент 3), ср. приведенный М. Фасмером пример раннего употребления: *воровать* «прелюбодействовать», либо, если мы примем теорию финского заимствования — ‘грабить’ (компоненты 1, 2).

Семантический переход «тайное действие» → «воровство» может быть назван если не универсальным, то по крайней мере достаточно частотным³. Ср., однако, противоположное развитие семантики ‘вор’ у чешск. *sloděj*: от «нанесения вреда» к «скрытому действию» Этот семантический сдвиг от общего «дурного» к более частному — «воровству», засвидетельствован и в лат. *furtim* ‘тайно, скрытно’, от *fur* ‘вор’⁴.

Стратегия номинации *вора* и *воровства*, таким образом, колеблется между двумя преферентными понятиями: совершение тайного действия и нанесение материального ущерба, причем именно формирование на языковом уровне соответствующего агенса оказывается тем «мостиком», который связывает эти понятия в единый семантический комплекс. И поэтому заимствованная в языке X лексема с исходным значением «причиняющий ущерб» может трансформироваться в понятие «вор» в более широком смысле (см. выше), и наоборот. Другим базовым семантическим компонентом можно назвать идею депривации (лишения, отнимания и проч.). В последнем случае демаркационная линия между собственно кражей и открытым грабежом представляется недостаточно четкой, несмотря на то, что как сам язык, так и культурная традиция постоянно стремятся данные понятия дистанцировать.

Др.-ирл. *taid* и русск. *тать*

Можно предположить, что исходная семантика скрытого действия не должна включать в себя в качестве обязательного элемента «депривацию», то есть — лишение X-а некоего объекта и нанесение ему таким образом ущерба. Как пишет, однако, автор диссертационного исследования о развитии обозначения воровства в русском языке Ю. М. Муратов:

История лексемы *тать* начинается в праиндоевропейскую эпоху, когда в рамках этимологического гнезда глагола с корнем **(s)ta(i)* — ‘скрывать, таить’ (отсюда русск. *тайна*) появилось помен *agentis*, давшее праслав. **taty*, др.-ирл. *taid* ‘вор’ (ср. родственные др.-греч. τῆτάω, дор. τῆτάω ‘лишаю’ (Фасмер т. 4, с. 11, 28). /.../ Появление корня с подобным значением в индоевропейскую эпоху имеет огромное культурологическое значение, так как указывает на высокую степень развития имущественных отношений у индоевропейских племен с уже укре-

² См. подробнее по ссылке: geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html.

³ См. переход № 5512 **to hide** — **thief** в электронной базе семантических переходов DatSemShift.

⁴ Ср. также многочисленные примеры употребления наречия *воровски* в значении ‘тайно, украдкой’ в контекстах «воровски оглядываясь», «воровски пряча глаза» и пр. в Национальном корпусе русского языка.

нившимся в сознании понятием собственности — первоначально, вероятно, общественной, племенной, но уже с четкой демаркацией своего и чужого (Муратов 2015: 92).

Данный вывод кажется поспешным, поскольку, как мы видели выше, семантика «скрытности» действительно является одним из базовых оснований для формирования понятий воровства и вора, однако путь семантической деривации в данном случае не является единственным. Аналогичный вывод эксплицирован Мэллори и Адамсом, заключающими, что базовой идеей обозначения «воровства» на и.-е. уровне было «совершение тайного, скрытного действия» (Mallory & Adams 2006: 275), но «тайное действие» еще не означает автоматически «воровство». Ср. также, например, сходное семантическое развитие в обще-германском — англ. *thief*, нем. *Dieb* etc.: к обще-герм. **peuba-z* с исходной семантикой «прятаться, скрываться, сидеть на корточках» (Orel 2003: 422). Наличие у дериватов одного и.-е. корня одной (или сходной) семантики не обязательно должно свидетельствовать о том, что на «праиндоевропейском уровне» данная семантика уже присутствовала в языке. Скорее, речь может идти о сходных путях семантической деривации или о своего рода семантической конвергенции. Неродственные лексемы реализуют сходные семантические переходы достаточно часто⁵ и удивления не вызывают, однако, как можно предположить, сходная колексификация в языках родственных также может быть конвергентной и не свидетельствовать о наличии реконструируемой семантики на архаическом уровне. Мой вывод, наверное, предстает в данном случае как спорный. Так, в работе 1971 г. К. Уоткинс писал: «Лингвистические данные, возводящие лексемы к одному индоевропейскому этимону, и совпадающие по форме и функции — очевидным примером здесь являются термины родства — являются свидетельством того, что соответствующее юридическое понятие уже существовало в индоевропейской общности» (Watkins 1971: 322).

Так, например, семантический переход «месяц» (moon) → «месяц» (month), представленный во всех и.-е. языках, позволяет предположить, что данный семантический переход произошел на уровне и.-е. общности (т. е. примерно 5000 до н.э.), если не ранее, и реконструировать для обозначения временного отрезка форму **mēnōt*. Семантический переход представляется очень логичным: подсчет времени по фазам луны кажется для архаического общества оптимальным, что подтверждается обилием реализаций перехода (274) в базе DatSemShift (#0856). Однако и в данном случае все не так просто, и обозначение ночного светила **mēn-s* реконструируется скорее как **вторичное** по отношению к «месяцу» как **мере** времени (см. IEW 731–732). См. например обратный переход: польск. *księżyc* ‘moon’ реализует метафорическое обозначения месяца (луны) как «княжича» при сохранившемся *miesiąc* ‘month’, в то же время в кашубск. фиксируется полисемия *ksąžęc* ‘moon, month’ (Толстая 2004). Видимо, следует говорить не столько о непосредственном семантическом переходе, сколько о возникающем семантическом комплексе, а точнее о возникшей на базе данного комплекса цепи семантических переходов: ‘княжич’ → ‘луна/месяц’ → ‘месяц’ (мера времени).

Более сложный случай — и.-е. обозначения кузнеца. Как показано в книге В. Блажека (Blažek 2010), лексема со значением ‘кузнец’ не может быть реконструирована на и.-е. уровне, поскольку кузнечное дело было освоено после распада и.-е. общности. Каждый диалект развивал данное обозначение самостоятельно, однако семантических моделей в данном случае оказывалось не так много, всего восемь. Интересным примером может

⁵ Вновь отсылаю к сайту семантических переходов DatSemShift (datsemshift.ru), а также к сайту CLICS (Rzyski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al. 2019. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. URL: clics.clld.org).

послужить сопоставление лат. *faber* и арм. *darbin*, реализующих переход «мастер» → «кузнец», произошедший параллельно и независимо. Отмеченный впервые А. Мейе (Meillet 1894), данный «феномен» частично оспаривался, однако затем был скорее признан, чем отвергнут (см. De Vaan 2008: 197). Что интересно при этом, признание независимого семантического развития в армянском и итальянском противоречит сформулированному выше постулату Уоткинса. Так, Г. Мартиросян, признавая верность реконструкции на морфо-фонетическом уровне лексем *faber/darbin* (к $*d^hNb^h-ro-$) все же высказывает сомнение в их идентичности, поскольку, как пишет он, «географическая удаленность регионов делает сомнительным и.е. статус лексемы» (Martirosyan 2009: 235).

В том, что касается как астрономических представлений индоевропейцев, так и развития их металлургии, лингвистическая реконструкция здесь поддерживается данными археологии. О правовом лексиконе этого сказать нельзя, и как пишет Р. Бекес о той же отмеченной выше паре когнатов (др.-русс. *tat'* / др.-ирл. *táid*), «в нашем знании об индоевропейских юридических институтах мы можем ограничиваться только чисто лингвистическими реконструкциями; так, например, мы можем **предположить**, что у индоевропейцев существовал институт клятвы, но у нас нет данных, чтобы реконструировать его (этимон — Т. М.)» (Beekes 1995: 39). Но скорее всего, даже возможность реконструировать нужный этимон на базе языков-потомков не является надежным критерием для трансформации **предположения** в уверенность.

Оставаясь в рамках собственно лингвистической реконструкции имущественных отношений, отметим также, что базовым «для данного описания является понятие *иметь*» (Розенцвейг 1964: 104), которое, в отличие от «быть», на и.е. уровне не реконструируется, а в кельтских языках на лексическом уровне вообще не развилось. Для выражения категории обладания используется конструкция с предикативным локализатором (есть у-при-возле N) — ср. ирл. *tá madra agam* ‘у меня есть собака’ (‘быть’ — pres.3 sg. — ‘собака nom.’ — prep. *ag* ‘у, при’+ pers.pron.1 sg.) и валл.: *y mae ci gyda fi* ‘у меня есть собака’ (‘быть’ — pres. 3 sg. — ‘собака nom.’ — prep. *gyda* ‘у, при’ — pers. pron. 1 sg.).

На и.е. уровне выделяется основа $*(s)teh_4-$, которая является базой для дальнейшего обозначения «вора» и «воровства» (в отличие от «грабежа, насильственного лишения») и ее семантика лежит скорее в области «тайного действия», ср. реконструируемые формы $*(s)tāi-$ (IEW) и $*teh_2$ (LIV: 616). Как пишут Мэллори и Адамс, «слово для *красть* в и.е. характеризуется его корреляциями с тайной и секретностью, что отличало его в и.е. юридической системе от обозначения открытого грабежа» (Mallory & Adams 1997: 544). В то же время можно засвидетельствовать обратный переход: от «вора» к наречию со значением «тайно, скрытно», ср. русск. *воровато*, лат. *fur* → *furatim* ‘тайно’, готск. *þuibz* ‘вор’ → *þuibjo* ‘тайно’, а также англ. *to steal* ‘красть’ → *stealth* ‘тайно, скрытно’. Ср. также русск. *скрывать* — *красть* — *крадучись*. Предположительно, наречие имеет отрицательные коннотации, однако ср. из Первого послания Апостола Павла к Фесаллоникам (5, 2): «Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как вор ночью» (в оригинале: ὥς κλέπτης ἐν νυκτί, т. е. ‘скрытно, незаметно’). Выделенный нами четырехкомпонентный семантический комплекс, таким образом, представляет собой своего рода базу, на основе которой по смежности происходит развитие значения и употребления попавших в ее поле лексем. Так, как мы видим, возможным оказывается не только переход от «тайного» к «воровать», но и обратно.

В то же время в рамках все того же семантического комплекса возможно перемещение поля по линии «тайное действие» → «кража» → «депривация», что реализуется в греч. *τητάομαι* ‘лишаться, испытывать нужду, желать’, восходящем к той же и.е. основе

(Beekes 2010: 1480). Возникающие регулярные сближения можно объяснить ограниченностью набора и.-е. основ, с одной стороны, и рекурсивностью семантических сдвигов, с другой, при которой, по определению Анны А. Зализняк (Zalizniak 2018: 770), возникает «отношение когнитивной смежности между двумя значениями». См., например «красть» (когнат *крыть, покрывать, скрывать*) и устойчиво метафорическое «красть время» = «лишать».

Русское *тать*, в свою очередь, расширяет семантическое поле в другом направлении, обозначая не только лицо, совершающее тайное действие, но и разбойника, преступника в целом. Так, например, *татем* назывался Степан Разин (ср. *тушинский вор* — о Лжедмитрии Втором), а образованное от нее *nomen abstractum татьба* обозначало также разбой и народное волнение. Видимо, в XVI–XVII вв. для русского менталитета в выделенном нами многокомпонентном комплексе «воровства» наиболее сильной составляющей было «нанесение вреда».

Др.-ирл. когнат *táid* демонстрирует иную ориентацию. Генетически лексема родственна русской, причем на морфологическом уровне. Приведенная в этимологическом словаре древнеирландского языка деривация ауслаута к кластеру *-nt-* с вербальным паритивным значением (LEIA-T,U: T-7) не убедительна фонетически, так как группа *-nt-* переходит в др.-ирл. в *-dd-* > *-d-*. Полученная гемината не подвергается в дальнейшем лениции, тогда как в слове *táid* ауслаут ленирован. Видимо, как и в русск. *тать*, мы имеем дело с *t-* auctoris, что подтверждается более архаической ирл. формой *táith*. В дальнейшем глухой спираント может озвончаться; К. МакКон отмечает этот переход как относительно поздний (McCone 1994: 87), то есть имевший место примерно между VI и VII вв.

Что касается семантики ирландской лексемы, то она сложнее русской. Действительно, например, в Санкт-Галленских глоссах к грамматике Присциана (IX в.) словом *táid* глоссируется лат. *fur* ‘вор’ (Stokes & Strachan 1903: 101). Такой же семантикой, видимо, обладает лексема и в сочетании *táid aithgena* (букв. «вор рождения»), обозначающая детей до 12 лет, которые имеют право безнаказанно присваивать чужое имущество (см. Kelly 1988: 83). Ср. также сочетание *ech-táid* ‘конокрад’ в трактате «Поучения Морана» (Audacht Morainn): *ní ria enech na anam ar eocho echthádat* (Fomin 2013: 124) — «не меняй свою честь и имя за коней конокрада».

Однако в ряде других юридических текстов семантика *táid* предстает как более сложная: очевидным остается факт противозаконности лица, называемого *táid*, и при этом скрытности его действий. Но далеко не всегда речь может идти собственно о воровстве. Так, в гептадах, юридических текстах нормативного содержания, говорится, например, что лишается прав церковь “*dia ndeantar uaim tadhut*” (СИН: 1) — «которая стала укрытием для воров (?)». Возможно, в данном случае действительно речь идет о ворах, укрывающихся в церкви, поскольку аналогичное сочетание *uaim tadhut* встречается также в трактате «Ложные суждения Каратниа» (*Gúbretha Caratniad*, датируется VIII в., обильные глоссы X в.): в разделе о краденом имуществе говорится, что пользоваться им нельзя, а в глоссе добавлено, что можно безнаказанно сжечь дом, который превращен в *huaim táthat*, букв. «укрытие воров», возможно — склад краденого (Thurneysen 1925: 318). В гептаде XVIII о залогах, которые не имеет смысла давать, называется, в частности, “*geall fri ‘mfaisneis tadhut*” (СИН: 18) — «залог на знание о ворах». Скорее всего, речь идет о лицах, скрывающихся от ответственности в самом широком смысле слова (там же, например, названы жены, сбежавшие от мужа, а также сыновья, скрывающиеся от обязанности содержать престарелых родителей). В гептаде LXIII перечислены семь беглецов, находящихся вне закона, и среди них — “*táid cu faendil*” (СИН: 55) «беглый вор (?)», скорее — человек, совершивший противозаконное действие в целом.

Как отмечают и составители этимологического словаря, действие, совершаемое *táid*, представляет собой не столько кражу, сколько скрытное действие в целом. Последнее особенно актуально для образованного от него абстрактного существительного *táide*, которое лишь в ряде контекстов можно перевести как «кража», тогда как более частотным является значение «тайное действие». Ср. в контекстах: *ben táide* «любовница; шлюха» (букв. «женщина тайного действия»), *clann táide* «незаконные дети» (букв. «потомство тайного действия»), *cen táide* «открыто, откровенно» (букв. «без тайного действия»), *i táide* «скрытно» (в этимологическом словаре Ж. Вандриеса приводится параллель с франц. *à la dérobée*⁶ «тайно, воровски») и пр. Сочетание *duinetáide*, которое буквально может быть переведено как «кража человека», означает «тайное убийство» (Kelly 1988: 128). То же можно сказать и о сочетании *comnaidi i táidi*, обозначающем противозаконный сговор с целью нанесения вреда кому-либо, но совсем не кражу (Thurneysen 1925: 356). Семантика «присвоение чужого имущества» у др.-ирл. *táide* встречается скорее редко, однако найти такие примеры можно. Так, например, в трактате о пенитенциалиях говорится, что семь лет покаяния следует тому, кто «имеет обычай заниматься кражами и воровством (*gait taidiu*) собственной алчности и жадности» (Gwynn 1914: 154).

В современном ирландском языке лексема *táidh* считается устаревшей и ее заменило другое базовое понятие (см. ниже), однако, как показывает словарь П. Диннина, отражающий состояние языка на начало XX в., композит *eachtáidh* «конокрад» до сих пор является употребительным (Dinneen 1927); ср. также *eachtaidhe* «злодей». Абстрактное существительное *táidhe* имеет ограниченное употребление со значением «воровство», но более частотно в значении «супружеская измена» (как тайное действие, ср. русск. *воровать* = *прелюбодействовать*).

В шотландском одним из базовых обозначений вора по данным словарей является *mèirleach* (к др.-ирл. *meirle* «грабеж. незаконное действие», предположительно — к *mer* «безумие, блуждание»), однако рефлексом шотл. *táid* можно считать зафиксированное в ср.-англ. (диал.) обозначение лисы *tod* (Breeze 1994).

Итак, семантическое поле др.-ирл. абстрактного понятия *táide* охватывает противозаконные и тайные действия в целом, одним из которых, как мы понимаем, может быть и воровство. При этом все же, что касается лексемы *táid*, которую мы считаем исходной, то ее семантика, судя по довольно малочисленным и ограниченным юридической областью примерам, на этом фоне выглядит более узкой и действительно ограниченной скорее обозначениями вора. По мнению Ф. Келли, в раннем ирландском обществе идея тайного воровства (т. е. воровства в нашем понимании слова) еще не была полностью сформирована как на юридическом, так и на социо-ментальном уровне, и ее появление было вызвано скорее знакомством с Ветхим Заветом, чем естественным развитием самого ирландского общества (Kelly 1988: 147). Таким образом, как можно предположить, исходная семантика *táid* ограничивалась обозначением «лица, совершающего тайное действие», и в качестве агенса лексема в дальнейшем не выдержала конкуренции с другими, отчасти синонимичными ей лексемами, тогда как вторичное абстрактное понятие «тайное действие» оказалось гораздо более востребованным языком.

Возможно ли другое развертывание семантического сценария? Можно предположить, что не производным, но напротив — исходным или параллельным образованием

⁶ Франц. глагол *dérober* имеет сложную семантику, однако остается в рамках поля: «кража — скрытное действие — лишение чего-л.». Интересно, что являясь германским заимствованием (ср. нем. *Raub* «грабеж»), он позднее получил значения «делать что-л. скрытно» и «лишать, избавлять» (ср. *dérober qn au danger* «избавлять кого-л. от опасности»).

от «глагола скрывания» стало соответствующее абстрактное существительное. В разных языках на морфологическом уровне прослеживается разнонаправленная деривация. Ср. вторичное русск. *святотатство*, изначально — «кража церковного имущества».

Др.-ирл. *táid* принадлежит к дентальным основам, как правило, имеющим девербиальное происхождение («тот, кто делает X»). Как считает Турнейзен (Thurneysen 1936a: 212), данное образование является вторичным; на более раннем этапе лексема в форме *táith* относилась к немотивированным для носителей архаическим *-io*-основам (как и славянский когнат); предположительно от нее и было образовано абстрактное существительное *táithe* с более широкой семантикой. Возможно ли это? Скорее, оба слова восходят к не сохранившемуся в ирландском глаголу **tei-*, который в свою очередь восходит к и.-е. **(s)teh₂-* с предположительно исходным значением ‘скрывать’, но не ‘красть’.

Следует отметить, однако, что обилие когнатов и.-е. корня с общим значением «красть, вор» достаточно велико, что в свое время заставило еще Покорного фиксировать у выделенного им корня **(s)tāi-* исходное значение ‘тайно что-то брать’ (IEW: 1010). Ср. например, приведенное им санскр. *tāyú-* ‘вор’ и др. Более того, к этой же основе восходит хеттский глагол *ta-a-i-ez-zi* ‘крадет’ (Kloekhorst 2008: 809), который, судя по текстам хеттских законов, имел данное значение уже во II тыс. до н.э. (Hoffner 1997: 60, ff.). Но в таком случае русск. *тайна*, *таить* должны представлять как вторичные семантические образования по отношению к глаголу воровства, что, как было показано выше, теоретически возможно, но — с очень сильным допущением. Если общеслав. глагол **taiti*, со значением ‘скрывать, делать нечто тайно’ представлен в нескольких славянских языках, относящихся к разным группам (чешск., словацк., польск., сербо-хорв., болг.), то соответствующий агент — только в русск. и сербо-хорв. (Derksen 2008: 489).

Абстрактное существительное, как правило, семантически шире, чем имя агенса, однако сопоставление с приведенным выше франц. глаголом *dérober* ‘грабить, красть; лишать, облегчать’ показывает, что в указанном семантическом поле непросто определить направление семантической деривации, поскольку, как и в ряде других случаев, мы имеем дело не с суммой значений, но с аморфным семантическим комплексом, эксплицитные реализации которого могут быть не всегда зафиксированы на языковом уровне. В свете сказанного вновь возникает вопрос о правомерности реконструкции архаического значения у нескольких когнатов одного исходного корня.

Другие др.-ирл. лексемы со значением ‘вор’ квалифицируются как редкие, малоупотребительные и относящиеся к группе «слова из глоссариев». Не совсем ясна и их семантика. Так, к подобным редким словам относится др.-ирл. *serb* — малоупотребительное слово со значением «лицо, действующее вне закона», которое соотносится с валл. *herw* ‘изгнанник, нарушивший закон’, то есть тоже не совсем вор (слово неясной этимологии, см. LEIA R, S: S-91).

Аналогичным образом, как ни странно, малоупотребительным оказывается в древнеирландском и такое обозначение вора как *téol*, передающее идею не столько тайного, сколько явного, но при этом sporadического отнимания собственности. Лексема, предположительно, восходит к глагольной основе *tlen-* с довольно широким спектром значений: ‘отнимать, отбирать, грабить и пр.’ (см. Thurneysen 1936a: 212). Соотносимый с герм. пучком глагольных основ с общей идеей депривации (и с *s-mobile*), глагол *tlenaid* имеет назализованный презенс, однако его претеритная форма *tiúil* соотносится с лат. *tollō*, что в целом демонстрирует семантический переход «отнимать, отбирать» → «красть». Как пишет Вандриес, «глаголы воровства и грабежа довольно многочисленны и варьируют в индоевропейском. Семантика ‘нести, уносить, отнимать’ представляет собой лишь один из частных случаев описания воровства» (LEIA T, U: T-79). Сказанное, без-

условно, верно, однако, как мне кажется, в данном случае важна фиксация семантического сдвига во времени (и под влиянием христианской традиции): так, акт «отнимания» превращается в противозаконный по мере развития самой законодательной традиции.

**Др. ирл. *gataid* ~ совр. ирл. *goid* как базовый глагол воровства:
семантическое развитие и предполагаемая этимология**

В работе К. Уоткинса об индоевропейской юридической терминологии (1971) кельтская юридическая традиция не рассматривается, поскольку называется им более архаической, чем римские законы V в. до н.э. Тем интереснее посмотреть на древнеирландские юридические тексты, с одной стороны, и лексику воровства, с другой. Данный материал может предоставить данные для предположительной реконструкции семантического развития и, кроме того, продемонстрировать другие базовые семантемы глаголов «воровства», кроме уже известных «скрывать» и «отнимать».

Так, как показывает Ф. Келли, ссылаясь в основном на тексты Гептад, член общества имеет право присвоить себе чужое имущество, если оно находится в горящем доме, на дне озера, в пещере, где являются призраки, на теле убитого в сражении и просто найдено на дороге (Kelly 1988: 148). Данный акт кражей не является и свершающий его не считается вором. Но, что интересно, как показано в специальном трактате о воровстве, *Bretha im Gata* (Hull 1956), не квалифицируется как воровство и присвоение чужого имущества, не в полной мере узаконенное: речь идет в основном о продуктах сельского труда (меда, пчелиного роя, заблудившихся овец, лошадей, собак, злаков и проч.). В трактате, который принято датировать уже поздне-древнеирландским периодом (т. е. VIII–IX в.) в качестве базовой основы обозначения вора употребляется не описанное нами *táid*, кодирующее тайное действие в широком смысле слова, а словосочетание N=Vb. (rel.), в котором опорной лексемой является обозначение мужа (жены, человека), дополненное «глаголом воровства»: *fer gatas*. То есть для этого периода понятие «вор» предстает как лишь находящееся в стадии формирования. Суффиксальное образование *gataige* ‘вор’ (совр. ирл. *gadaí*, шотл. *gadaiche*) датируется уже среднеирландским периодом.

В качестве базового для данной, относительно новой для общества идеи (в отличие от открытого грабежа или, напротив, обобщенного «тайного действия») язык использует глагол, изначально семантики воровства не имеющий, но развивший ее при переходе от древне- к ранне-новоирландскому языку, а именно — глагол *gataid*, обладающий на современном этапе выделенными нами выше семантическими компонентами: тайное действие, заинтересованность агенса, депривация и нанесение ущерба. Однако в более ранних фиксациях глагола могут быть отмечены значения, реализующие лишь компонент «депривация». Ср. из «языка Глосс»:

ní gati *egonn ón* «не **лишай** же нас (букв.: на нас) этого».

Пример представляет собой глоссу к Псалму 86, стиху 15 — (русс.) — «...Ты, Господи, богатый благостью и верностью».

Ср. также из Законов (о том, что не может быть изъято из имущества дома в качестве платы за долг):

na hi gatus sirg dona macaib beca «также не то, что **лишает** болезни маленьких детей»⁷.

⁷ Имеются в виду щенки и котята.

Интересно, что в одном и том же тексте компилятор может с легкостью употреблять глагол *gataid* в разных значениях. Так, например, в саге «Похищение стад Фроеха» (датируется примерно началом X в.) глагол употреблен как в «депривативно-дистанцирующем» значении, так и в значении ‘красть’, уже развившемся к этому периоду:

gataid (pres. 3 sg.) a étach de iarum (Meid 1967: 7, 183) «снимает он свою одежду тогда»; *ro gata* (perf. pl. pass.) do baí (Meid 1967: 13, 320) «украдены твои коровы».

Ср. также (из «Жития святой Бригиты», VIII в.):

in tan ba mithig a gait de chígh... (Ó hAodha 1978: 5, 34) «когда было время отнимать ее от груди».

Букв. «ее отнимания от груди», ср. аналогичное русск. употребление «отнимать ребенка от груди» = «отстранить, дистанцировать», в современном ирландском используется другой глагол и оборот: *tóg an leanbh as gciach*, букв. «брать от...». Таким образом в качестве исходного у глагола *gataid* можно наметить значение «дистанцирование», нейтральное употребление и отсутствие указания на заинтересованность субъекта, а также причинение вреда.

Семантическое нюансирование, как показывает анализ контекстов, может выражаться при помощи предлогов. Так, предлог *ar* ‘на’ включает в семантическое поле компонент «принесение вреда» (что еще не делает его глаголом воровства). См.:

Gataid Bodb a muccaidecht n-airi, *gatar* (pass.) dana a muccaidecht ar in fer atúaith (Windisch 1891: 244) «отнимает Бодб его свиней у него, отнимаются свиньи тогда же у мужа на севере».

Ср. также из Жития Бригиты:

Ba saeth lia brathrea *gait* di-si in tinscrae erru (Ó hAodha 1978: 5, 145) «было обидно ее братьям, что она **лишает** их выкупа невесты» (букв.: «было обидно с ее братьями **лишение** от нее-же выкупа на них»).

В ряде контекстов мы видим обозначение заинтересованной депривации. Например:

Gatsait latraind da thore díib (Ó hAodha 1978: 2, 58-9) «**украли** разбойники двоих (свиней) из них».

В последнем контексте предположительно не реализован компонент 4 (тайное действие), что подтверждается выражением агенса сущ. *latraind* ‘разбойники’ (лат. заимствование).

Текст ирландского Жития св. Бригиты датируется примерно концом VIII — началом IX в. То, что в нем употреблен один и тот же глагол *gataid* в разных значениях (‘лишать, отнимать, отбирать, грабить’), демонстрирует нестабильность его семантики для раннего периода, с одной стороны, и неразличение юридического употребления глагола и его же использования в обыденной речи, что скорее естественно.

Другие контексты употребления глагола демонстрируют в первую очередь идею «дистанцирования», но в еще более широком значении. Так, становится устойчивым оборот *gataid de...* ‘от-нимает от...’ при описании снятия одежды. Например: *iar sin gataid Findabair a hétach de* (Meid 1967: 8, 210) «после этого снимает Финдабайр свою одежду» (букв.: «отнимает от нее», ср. также русск. *с-нимать* в аналогичном значении). Ср. устойчивый оборот: *gatar dibh 7 dénaidh bhar ffotraccadh* «раздевайтесь и мойтесь» (*gatar* — subj. pl. pass.). В современном ирландском оборот вышел из употребления, но, что инте-

ресно, заменен другим глаголом, который можно было бы условно назвать фразовым: *bain* ‘извлекать, удалять и пр.’ с послелогом *de*: *tá mo chuid éadaí bainte díom agam* «я разделся» (букв. ‘есть моя часть одежды удалена от меня у меня’). Ср. также диалектное: *bhain sí an leanbh den chíoch* «отняла она ребенка от груди». Таким образом мы видим, что др.-ирл. *gataid* обладает достаточно широкой семантикой, объединенной идеей депривации в целом. Со временем семантическое поле сужается до «воровства». Предположительно, семантический процесс связан с актуализацией самого понятия «воровство» в ирландском обществе в целом.

Интересно также, что образованное от глагола *gataid* NA в ряде контекстов сохраняет общую семантику «незаинтересованной депривации». Так, в поэме конца XVII в., написанной от лица обольщенной и покинутой женщины, совратитель называется *gaduiġhe an gáire* (Gwynn, O'Reilly 1921–23: 84), букв. «вор радости». Ср. также *gaduidhe na geamhoidhche* «вор зимней ночи» (Bergin 1920: 99), о сказителе и арфисте, т. е. тех, кто лишает зимнюю ночь холода и уныния. Данные употребления кажутся на первый взгляд вторичными, то есть семантика депривации, содержащаяся в глаголах воровства, автоматически дает возможность их метафорического употребления (ср. русск. «красть время»). Однако приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что «вор зимней ночи», не заинтересованный, естественно, в присвоении холода и уныния, и не приносящий вреда, реализует более раннее семантическое осмысление языком вербальной основы в целом. На самом деле, как мне кажется, в данном случае предположительно (!) имеет смысл вновь говорить скорее не об однонаправленном семантическом развитии, но о потенциальной семантике, скрытой в вербальном комплексе в целом. Данная мысль подкрепляется и предполагаемой этимологией лексемы.

Предложенные этимологии базируются на некоей семантике, которую каждый квалифицирует как исходную. В словаре и.-е. синонимов К. Бака дается этимология ирл. *gataid*, базирующаяся на позднем значении «красть». При этом автор пытается дать мотивацию семантического развития и предлагает соотносить ирландскую лексему с лит. *godas* ‘скупость, алчность’ (Buck 1949: 789), предполагая тем самым в нашей системе компонентов в качестве базового компонент 2 — «заинтересованность в присвоении объекта X». Это взгляд «со стороны», который и предполагает поверхностность.

В свое время попытка дать этимологию глагола *gataid* была предложена рядом кельтологов, которые исходили из того, что лексема соотносится с др.-ирл. *gat* ‘прут, ветка, розга’. Так, Р. Турнейсен (Thurneysen 1936b) соотносил ирл. *gataid* — *gat* с лат. *hasta* ‘копье, прут, жезл’ (заимствование из до-и.-е. субстрата (?) — De Vaan 2008: 280) и готск. *gazds* ‘копье’ (с неясной этимологией — Lehmann 1986: 155). Данная идея была поддержана и развита Т. О’Рахилли, который предложил исходить из семантики др.-ирл. вторичного превербального образования — *tris-gataim*, *tregtaim* ‘пронзаю, поражаю копьем’ (из *tris* ‘сквозь, через’ + *gat*-). Им была предложена следующая линия семантического развития: *пронзание* → *отнимание, воровство* (ср. также близкое семантическое развитие в др.-ирл. *creach*: *отрезание, отсекание* → *грабеж*, O’Rahilly 1942: 169). Видимо, что-то подобное можно проследить в русск. *свистнуть* в значении «совершить быстрое действие». Семантика глагола в древнеирландском, однако, делает данную реконструкцию маловероятной.

По другому пути идет Р. Матасович, который в «Общекельтском этимологическом словаре» справедливо выражает сомнение в том, что др.-ирл. *gataid* соотносится с др.-ирл. *gat* ‘ивовый прут, лоза, розга’, и предлагает возводить глагол (более ранняя форма — *gotaid*) к и.е. **g^hosti-* ‘гость, хозяин’ (откуда также лат. *hostis* ‘враг, чужеземец’, при и.-е. **st* > ОК **ts*, Matasović 2009: 155). Теоретически такая деривация возможна, но лишь в том

случае, если мы признаем изначальную семантику основы как кодирующей идею воровства (как нанесения ущерба). Данное предположение, автоматически вытекающее из идеи Матасовича, кажется натянутым и противоречит историческому развитию семантики глагола (см. выше).

Более перспективной предстает деривация, также базирующаяся на его предположении о соотношении с лат. *hostis*, но расценивающая «чужой» как старшее значение по отношению к «враг» (ср. общеславянск. *gostъ* и проч.). В этом случае семантика депривации в широком смысле оказывается подкрепленной аналогами: лат. *alienus* ‘чужой’ — *alienare* ‘отнимать (в том числе юридически — собственность); отдаляться, охлаждаться (об отношениях)’, ср. также англ. *alien* ‘чужой’ — *to alienate* ‘отнимать (собственность, юр.)’, которое Скит полагал самостоятельным развитием, а не латинской калькой (Skeat 1887: 15), а также русск. *чужой* — *отчуждение* (собственности, юр., а также охлаждение отношений). Ср. также общеславянское **otъt(j)udjati* ‘делать чужим, лишать’⁸, реализующее семантический переход «депривация» → «кража» в чешск. и словацк. (см. ЭССЯ 2014: 15). Однако следует отметить, что исходная гойдельская форма, имеющая значение «чужой, чужак», в языке не сохранилась и предположительно фиксируется в кельтиберском *-kozis* ‘гость’. Ср. также лепонтийскую надпись из Престино: *uvamoKozis* ; *Plialeθu* ; *uvlTiauiοPos* ; *ariuonePos* ; *siTeś* ; *TeTu* (Morandi 1982: 188). Первая лексема, предположительно, представляет собой двусоставное имя бахуврихи в номинативе с общей семантикой «много-гостевой» (много-гостей-(имеющий): *uvamo-kosiz* < **up-mo-ghostis* (Lejeune 1970-71: 458; Delamarre 2003: 325).

Интересно, что в качестве претеритных форм др.-ирл. глагол *gataid* использует супплетивные формы, образованные от глагола *do-alla* < *do-ella* ‘отнимает, лишает’, предположительно восходящего к основе **al-/el-* ‘чужой, иной’.

Таким образом, семантический переход в данном случае предстает как доступный лишь на уровне этимологизации вербальной основы, однако я считаю его рациональным и, более того, полагаю перспективным разработку в данном направлении материала других языков, не только индоевропейских⁹.

Заключение

В качестве заключения попытаемся сформулировать наши основные наблюдения, сделанные в основном на базе кельтского языкового материала. То, что понятие «воровства» вторично и не может быть реконструировано на уровне и.-е. деривации — это очевидно. Однако число семантем, на базе которых развивается глагол воровства в разных ветвях и.-е. языков, довольно ограничено (см. выделенные выше четыре базовых компонента «воровства»), что приводит к псевдо-родству на уровне семантики (как русск. *тать* и др. ирл. *táit*), что в общем тоже логично. Более сложным и нуждающимся, наверное, в дальнейшей реконструкции с расширением языкового материала оказалось соотношение глагола «воровства» и соответствующего ему *nomen agentis*. В качестве предварительного вывода хотелось бы сказать, что «вор» вторичен, поскольку для оформления соответствующей семантемы нужно 1. полное оформление многокомпонентного понятия «красть» и 2. маркированная на уровне языка итерация действия. На самом деле, все немного сложнее и нуждается в дальнейшем анализе материала.

⁸ ОС **tjudjъ* ‘чужой, чужак’ представляет собой раннее готское заимствование из *þiuda* ‘племя, народ’.

⁹ См. переход 3854 to deprive — to steal в электронной базе семантических переходов DatSemShift.

Направление семантического развития в данном случае не всегда очевидно, поскольку как «лишение», так и «тайное действие» могут неожиданно предстать как вторичная деривация (см. франц. *dérober*). Возможно, следует говорить о широком семантическом комплексе, стоящим за термином, так сказать, *in potentia*. Как верно писала А. В. Дыбо, «многозначность в общем случае не определяет направления перехода, которое важно для подтверждения возможности исторического перехода» (Дыбо 2011: 360).

Литература

- Добродомов, И. Г. 1973. К этимологии слова вор. В кн.: Г. Е. Корнилов (ред.). *Диалекты и топонимия Поволжья*. Вып. 2: 75–86. Чебоксары: Чувашский университет.
- Дыбо, А. В. 2011. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря. В кн.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*: 359–391. Москва: Языки славянской культуры.
- Евгеньева, А. П. 1939. История слова вор в русском языке. *Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена* XX: 145–172.
- Муратов, Ю. М. 2015. *Генетическая и мотивационная характеристики лексико-семантического поля 'присвоение чужого' в русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Институт русского языка РАН.
- Розенцвейг, В. Ю. 1964. Лексика имущественных отношений. *Машинный перевод и прикладная лингвистика* 8: 104–108.
- Толстая, С. М. 2004. Месяцы. В кн.: Н. И. Толстой (ред.). *Славянские древности. Энциклопедический словарь*. Том 3: 236–241. Москва: Международные отношения.
- Толстой, Н. И. 1964. О некоторых возможностях лексикосемантической реконструкции праславянских диалектов. В: *Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов*. Москва: Наука, 37–39.
- Фасмер, Макс. 1996. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х томах. Санкт-Петербург: Азбука.
- ЭССЯ = Журавлев, А. Ф. (ред.). 2014. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 39. Москва: Наука.

References

- Buck, Carl D. 1949. *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Beekes, Robert S. P. 1995. *Comparative Indo-European Linguistics. An Introduction*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- Bergin, Osborn. 1920. Unpublished Irish Poems: IX. On a Blind Harper. II. *Studies: An Irish Quarterly Review* 9(33): 97–100.
- Blažek, Vaclav. 2010. *Indo-European "Smith" and his Divine Colleagues*. Washington, DC: Institute for the Study of Man.
- Breeze, Andrew 1994. Middle English tod 'fox', Old Irish táid 'thief'. *Scottish Language* 13: 51–53.
- CIH = Binchy, Daniel (ed.). 1978. *Corpus Iuris Hibernici*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- DatSemShift = Zalizniak, Anna et al. 2016–2022. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Online resource at: datsemshift.ru.
- De Vaan, Michiel. 2008. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden / Boston: Brill.
- Delamarre, Xavier. 2003. *Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris: Errance.
- Derksen, Rick. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Dinneen, Patrick S. 1927. *Foclóir Gaedhilge agus Béarla — Irish-English Dictionary*. Dublin: Irish Texts Society.

- Dobrodomov, Igor. 1973. K etymologii slova *vor*. In: G. E. Kornilov (ed.). *Dialekty i Toponimija Povolzhja*, Vol. 2: 75–86. Cheboksary: Chuvashskij Universitet.
- Dybo, Anna. 2011. Semanticheskaja rekonstrukcija v altajskoj etymologii: leksika konkretnogo slovar'a. In: I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo i Jazyk. Sbornik statej k 80-letiju akademika J. D. Apres'ana*: 359–391. Moscow: Jazyki slav'anskoj kul'tury.
- Ernout, Alfred, Antoine Meillet. 1939. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris: C. Klincksieck.
- ESSJ = Zhuravlev, Anatolij (ed.). 2014. *Etimologičeskij slovar' slav'anskix jazykov*. Vol. 39. Moscow: Nauka.
- Evgenjeva, Anastasia. 1949. Istorija slova *vor* v Russkom jazyke. *Učenyje zapiski Leningradskogo ped. in-ta im A.I. Gercena* XX: 145–172.
- Fomin, Maxim (ed.). 2013. *Instructions for Kings. Secular and Clerical Images of Kingship in Early Ireland and Ancient India*. Heidelberg Universitätsverlag.
- Gwynn, Edward J. 1914. An Irish Penitential. *Ériu* 7: 121–195.
- Gwynn, Edward J., Tomas O'Reilly (eds.). 1921–1923. Tomás Costelloe and O'Rourke's Wife. *Ériu* 9: 1–11.
- Hoffner, Harry Angier. 1997. *The Laws of the Hittites. A Critical Edition*. Leiden / New York / Köln: Brill.
- Hull, Vernam (ed.). 1956. Bretha im Gatta. *Zeitschrift für celtische Philologie* 25: 211–225.
- Kelly, Fergus. 1988. *A Guide to Early Irish Law*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Jackson, Kenneth. 1994 (1953). *Language and History in Early Britain*. Dublin: Four Courts Press.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French & European Publications.
- Lehmann, Winfred P. 1986. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: Brill.
- LEIA R,S = E. Bachellery (ed.). 1974. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: R, S*. Paris / Dublin: CNRS / DIAS.
- LEIA T,U = E. Bachellery, P.-Y. Lambers (eds.). 1978. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: T, U*. Paris / Dublin: CNRS / DIAS.
- Lejeune, Michel. 1970–1971. Documents gaulois et para-gaulois de Cisalpine. *Études celtiques* XII: 357–500.
- LIV = Rix, Helmut et al. 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden: Reichert.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 1997. *The Encyclopedia of Indo-European Culture*. London: Fitzroy Dearborn.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 2006. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford University Press.
- Martirosyan, Hrach K. 2009. *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- Matasović, Ranko. 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill.
- McCone, Kim. 1994. An tSean-Ghaeilge agus a réamhstair. In: K. McCone, D. McManus et al. (eds.) *Stair na Gaeilge in ómós do Pádraig Ó Fiannachta*: 61–220. Maigh Nuad: Coláiste Phádraig.
- Meillet, Antoine. 1894. Notes arméniennes. *Mémoire de la Société de Linguistique de Paris* 8: 153–165.
- Meid, Wolfgang (ed.). 1967. *Táin bó Fraích*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Morandi, Alessandro. 1982. *Epigrafia Italica*. Roma: Bretschneider.
- Muratov, Jurij. 2015. *Geneticheskaja i motivacionnaja xarakteristika leksiko-semanticheskogo pol'a 'prisvojenie chuzhogo' v russkom jazyke*. Dissertation thesis. Moskva: Institut Russkogo jazyka RAN.
- Ó hAodha, Donncha (ed.). 1978. *Bethu Brigitte*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- O'Rahilly, Thomas F. 1942. Notes, mainly Etymological. *Ériu* 13: 144–219.
- Orel, Vladimir. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill.
- Rozencvejg, Viktor. 1964. Leksika imushchestvennyx otnoshenij. *Mashynnyj perevod i prikladnaja lingvistika* 8: 104–108.
- Skeat, Walter. 1887. *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford: Clarendon Press.
- Stokes, Whitley, John Strachan (eds.). 1903. *Thesaurus Paleohibernicus*. 2 vols. Cambridge University Press.
- Thurneysen, Rudolf. 1925. Aus dem irischen Recht III. *Zeitschrift für celtische Philologie* XV: 302–376.
- Thurneysen, Rudolf. 1936a. Zur Seitenfüllung. *Zeitschrift für celtische Philologie* XX: 212–213.
- Thurneysen, Rudolf. 1936b. Irisches. Altir. ro-geinn 'hat Platz'. [Kuhns] *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 63: 114–117.
- Tolstaja, Svetlana. 2004. Mes'acy. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Slav'anskije drevnosti. Encyklopedičeskij slovar'*. Tom 3: 236–241. Moskva: Mezhdunarodnyje otnoshnija.
- Tolstoj, Nikita. 1964. 'O nekotoryh vosmojnostiah lexicosemanticheskoy rekonstrukcii praslavijskix dialektov' *Problemy lingvo- i etnogeografii i arealnoj dialektologii. Tazisy dokladov*. Moscow, 37–39 (in Russian).
- Vasmer, Max Julius. 1996. *Etimologičeskij Slovar' Russkogo Jazyka*. Sankt-Peterburg: Azbuka.

- Watkins, Calvert. 1971. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions, and Mythology. In: G. Cardona, H. M. Hoenigswald, A. Senn (eds.). *Indo-European and Indo-Europeans*: 321–354. University of Philadelphia Press.
- Windisch, Ernst. 1891. De Chophur in dá muccida. In: Whitley Stokes, Ernst Windisch (eds.). *Irische Texte. Dritte Serie, I Heft*: 230–279. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Zalizniak, Anna A. 2018. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics* 22(4): 770–787.

Tatyana Mikhailova. 'Thief' and 'Theft' in Goidelic: a semantic reconstruction

The primary concern of the present study is an analysis of how such notions as *'thief'* and *'theft'*, which I consider to be rather late and secondary, are realized in Celtic languages in the diachronic perspective. In this paper, I construct the original four-component semantic model of the contemporary notion *'theft'*, and attempt to trace, on the basis of comparative material, the development of the original notions which the model is based upon (secrecy of action; deprivation through distancing; inflicting harm; the agent's personal interest). Those notions prove to be essential for the emergence and development of corresponding terms over the course of linguistic and social evolution. The paper also contains a comparative analysis of Slavic *mamъ* and Old Irish *taid*, going back to the same Indo-European stem whose original meaning must have been 'secret action' (it is also manifested in some other Indo-European stems showing similar patterns of derivation). The work suggests the existence of a multi-directional semantic transition: not only 'secret' → 'thief', but also the reverse 'thief' → 'secret'. I also suggest a new etymology for the main verb of 'stealing' in Modern Irish (*goid* ← OI *gataid*), based on early uses of the Old Irish verb meaning 'distancing' and later 'deprivation' from IE **ghosti-* 'host, guest'. The semantic shift should be: *alien* → *alienation* → *deprivation* → *stealing*.

Keywords: linguistic development; notion of property; comparative linguistics; semantic shifts; Celtic languages; Old Irish; Modern Irish; Scottish Gaelic; deverbal derivation.